

Юрий Стальгоров

ОНИ ЖИЛИ В СССР

Враги народа, участники войны

Юрий Стальгоров

**Они жили в СССР. Враги
народа, участники войны**

«Издательские решения»

Стальгоров Ю.

Они жили в СССР. Враги народа, участники войны /
Ю. Стальгоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903496-0

Представляю на суд читателю судьбы моих ближайших родственников, членов двух больших семей: Стальгоровых и Вишневских. Наиболее активная детальность всех персонажей этой книги приходится на период с 1918 по 1954 гг. Это годы Гражданской войны, сталинских репрессий, Великой отечественной войны. Не все герои книги пережили это время, почти половина из них погибла. Однако я надеюсь, что судьба каждого из них будет интересна читателю.

ISBN 978-5-44-903496-0

© Стальгоров Ю.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Книга I	7
Введение	7
Глава 1 Матвей Иванович Вишневский	8
Глава 2 Стальгоров Михаил	11
Глава 3 Стальгорова Валентина	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Они жили в СССР Враги народа, участники войны

Юрий Стальгоров

© Юрий Стальгоров, 2018

ISBN 978-5-4490-3496-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Представляю на суд читателю судьбы моих ближайших родственников. Членов двух больших семей: семьи Стальгоровых и семьи Вишневских. Наиболее активная детальность всех персонажей этой книги приходится на период с 1918 до 1954 года.

Это годы Гражданской войны, годы Сталинских репрессий, годы Отечественной войны (1941—1945).

Не все герои этой книги пережили это время. Почти половина из них погибла.

Основным источником всех материалов этой книги является, прежде всего, личные воспоминания автора, а так же воспоминания его двоюродных сестер: Ольги Стальгоровой и Татьяны Киреевой. Ольга и Татьяна представили так же в распоряжение автора документы из своих семейных архивов.

В книге использованы так же материалы представленные архивами: КГБ Республики Беларусь, ФСБ Российской Федерации. Использованы так же материалы Форума Тульских краеведов 2012 года.

В работе над этой книгой мне помогала моя помощница Юлия Михайловна Наследкова. Я ей приношу за это глубочайшую мою благодарность.

Мне помогали так же: мой самый младший внук, Валерий Николаевич Орлов и его брат, Илья Николаевич Орлов. Так же приношу им свою благодарность.

Благодарю за предоставленные документы и свои личные воспоминания моих двоюродных сестер: Ольгу Владимировну Стальгорову и Татьяну Владимировну Кирееву.

Благодарю так же за содействие архивные службы: ФСБ России, КГБ и Генеральную Прокуратуру Белоруссии. Особую благодарность приношу УФСБ Тульской области и краеведам Тульской области. Материалы, которых я использовал в своей книжке.

г. Саратов август 2017 года

Книга I

Враги народа

Введение

Враг народа – это термин не юридический, а политический. Под ярлыком враг народа в 30-х годах XX века находились люди, которым вменялись органами правосудия и другими специальными судебными органами различные преступления по так называемым контрреволюционным мотивам. В своем абсолютном большинстве все эти обвинения были ложные. Но людей сажали в тюрьмы, выносили несправедливые судебные и внесудебные решения, по которым отправляли в тюрьмы, лагеря и расстреливали. Это была какая-то кампания, начатая правящим режимом Сталина с 1926 года. И закончилось с его смертью. Началась эта кампания сразу же после смерти В. И. Ленина.

Первыми, кто попал в Сталинскую мясорубку, это были соратники Ленина. Прежде всего, это были большевики революционеры, совершившие государственный переворот в 1917 году, спровоцировавшие гражданскую войну и победившие в ней. Сталин, в первую очередь, избавлялся от таких людей, поскольку они имели свое мнение, во многом отличающееся от мнения Сталина. Сталин так же избавлялся от своих соперников. А в середине 30-х годов маховик Сталинских репрессий подмял под себя и рядовых коммунистов и беспартийных. В том числе раскулаченных крестьян.

В этой книге к категории врагов народа я отношу своего дедушку Матвея Ивановича Вишневого. Это большевик, вступивший в партию большевиков ещё до революции 1917 года. Он был соратником Ленина, другом Дзержинского, перенёс все тяготы Гражданской войны в структуре ВЧК. А уже в 1926 году он оказался не нужным, вредным для Сталинского режима. Его исключили из партии, уволили с работы. И, если бы он тот час же не умер, он подлежал аресту. Это был первый ещё без ярлыка «враг народа».

Второй «враг народа» – это мой отец Михаил Флорентьевич Стальгоров. Это уже «патентованный» враг народа. Он был арестован в августе 1937 года, приговорен к 15 годам ИТЛ. Умер в тюрьме.

Но ещё была категория – это «члены семьи врага народа». Это: моя мама, я и мой младший брат. По существующему тогда закону члены семьи врага народа несли уголовную ответственность, как соучастники.

Глава 1 Матвей Иванович Вишневский

Матвей Иванович Вишневский – это мой дедушка, это отец моей мамы. Я его никогда не видел. Я знал только его жену, мою бабушку Ольгу Михайловну. Потому что я с ней встречался и до войны жил в Рогачеве небольшое время, и месяц во время войны, это было лето 1941 года.

Матвей Иванович фигура колоритная. Он родился в городе Вильно в 1880 году. Вильно в то время была столица, скажем теперешней Белоруссии. Минск был на задворках, это теперь он столица Белоруссии, а Вильно – это была столица Белоруссии до 1918 года.

Матвей Иванович родился в семье православного священника. У него было несколько братьев и сестер. Он учился в первой русской Виленской гимназии.

В этой же гимназии вместе с ним, в одном классе учился Феликс Эдмундович Дзержинский. Сейчас может быть неизвестно кто такой Дзержинский, но это революционер, русский революционер, хотя по национальности поляк и в новой Советской России государственный деятель.

Мой дедушка дружил с Дзержинским, хотя Дзержинский был католик, а дедушка православный. Дзержинского выгнали из гимназии, он ее не закончил полностью, а дедушка мой окончил гимназию, поступил в Варшавский Университет и в 1904 году окончил его по специальности юрист.

Он сразу же приехал по окончании университета вместе со своим однокурсником Львом Устиновичем в город Рогачев в Белоруссии. Где познакомился со своей будущей женой Ольгой Михайловной Устинович и в том же 1904 году женился на ней. В Рогачеве он работал присяжным поверенным. Это серьезная работа – это адвокат. Ленин Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного, а мой дедушка был присяжным поверенным.

В 1905 году родилась у них первая дочь Люся. Потом в 1910 году родилась вторая дочь Татьяна, в 1915 году родилась моя мама. В 1918 году родился сын Петр.

Так вот дедушка Матвей Иванович под влиянием Дзержинского стал революционером, он вступил в партию большевиков РСДРП (б) ещё до революции. Он был дружен с Дзержинским уже после окончания университета, Матвей Иванович встречался с Дзержинским. Какой партийной работой, или какие партийные поручения выполнял до революции мой дедушка, я не знаю. Все мои сведения о нем получены от моей бабушки Ольги Михайловны и моей мамы. Они конечно, о его партийной работе до революции ничего не знали. Когда произошла Февральская революция 1917 год, Матвей Иванович активно включился в революционную деятельность, на стороне большевиков. Он уехал из Рогачева.

Он был романтик. Он образованный человек, он владел многими иностранными языками. Видел, что происходит в современной ему России. В то время в России было фактически два народа: высшая аристократия, помещики и интеллигенция, и основной народ – крестьяне. Крестьян было 85% от всего населения, правящая же элита была дворяне. Общество было двухслойным, рабочих было чрезвычайно мало.

Матвей Иванович окунулся в революцию. Можно спросить: «Зачем ему это было нужно?». Матвей Иванович родился и воспитывался в достаточно обеспеченной семье, получил высшее образование, его родной брат был полковником и командовал Кубанским казачьим полком. Родная сестра Александра Ивановна была до революции женой русского посланника в Китае, о других братьях и сестрах я ничего не знаю, знаю только, что они были обеспечены так же хорошо. Матвей Иванович не был обездоленным крестьянином или рабочим, не был даже бедным интеллигентом, он был богатым интеллигентом. Однако же Матвей Иванович был честный, порядочный человек. И он видел, что большин-

ство людей в современной ему России чрезвычайно бедствуют. Кроме этого как образованный человек он видел, что улучшения благосостояния народа оказалось возможным только через революцию, т.к. самодержавие не шло ни на какие серьезные реформы. Это видел не один Матвей Иванович, это видели крупные промышленники: Рябушинские, Морозовы, Терещенко.

Главным препятствием для проведения кардинальных реформ в России было царское правительство, самодержавие. Создалась революционная ситуация. В феврале 1917 года самодержавие пало. Образовалось Временное Правительство России, которое проводило революционные мероприятия. Многим революционерам, в том числе и большевикам это казалось малым. Да, и война продолжалась. Большевики во главе с Лениным в конце октября совершили государственный переворот и взяли власть в свои руки, чтобы все революционные изменения проводить быстрее. Вообще-то это был экстремизм. Матвей Иванович вошел в революцию вместе с Дзержинским, с большевиками, с Лениным.

А дальше развязалась гражданская война. Всю гражданскую войну с 1918 по 1922 год Матвей Иванович прошел вместе с Дзержинским.

Мой дедушка знал хорошо Ленина, знал хорошо Крупскую это жена Ленина, знал Сталина и других революционеров, а потом членов правительства новой России. Последняя чекистская должность моего дедушки – это начальник отдела снабжения войск ВЧК Белоруссии.

Он был честный человек. Моя бабушка рассказывала, что она приезжала в Минск к своему мужу Матвею Ивановичу и привозила туда еду. Это обратите внимание, для теперешнего поколения нонсенс, все привыкли к злоупотреблениям различного рода людей, которые работают в снабжении. Это ещё с советской власти. Таких людей, вообще в снабжении было чрезвычайно мало, бабушка говорила, что, тогда она удивлялась: «Как же вы снабженцы, а ты начальник отдела снабжения войск ВЧК Белоруссии. В Белоруссии так сказать первый человек, и вы чуть не голодаете». А ей Матвей Иванович говорил: «Паек, какой есть, мы получаем. Пакет скудный, но мы живем точно так, же как наши бойцы. И ни в коем случае не воруют у них, а негде нам больше взять. У населения? Грабить? Мы не грабим население».

Вот опять же это позиция честнейшего человека. Хочу сказать, что он был не единственный такой, в том числе и в рядах чекистов. Удивительное подтверждение этому звучит в криминальном фольклоре, например, песня «Мурка»:

Раньше ты носила туфли из «Торгсина»

Лаковые туфли на «большой».

А теперь ты носишь рваные галоши,

Потому что стала легашом.

Что тебя заставило полюбить легавого?

И пойти работать в ГубЧК.

После ликвидации ВЧК и образовании ОГПУ мой дедушка ушел на гражданскую работу, уехал в город Рогачев, и работал там судьей.

В 1924 году он ездил хоронить Ленина, у бабушки имелась даже фотокарточка, где одним из тех, кто нес гроб Ленина, был Матвей Иванович. В 1925 году родилась ещё одна девочка, моя тетя Женя, а бабушке в это время было уже 46 лет.

Недолго пришлось Матвею Ивановичу поработать судьей. Это судьба судей в авторитарных странах. А Советский Союз тех времен, да и теперь Россия авторитарные страны. Честный человек не может долго продержаться судьей.

Матвей Иванович воспринял буквально запись в Конституции, что судьи независимы и подчиняются только закону, увы, это не для нас, не для нашей страны. И вот за два года, что он был судьей в 1926 году, наконец, переполнилась чаша терпения руководства, как пар-

тийного, так и административного его исключают из членов партии, а он как говорится коммунист, большевик, с дореволюционным стажем. Снимают с работы судьи.

Последнее дело, которое ему вменяли в вину – это он присудил наследнику дом умершего родителя. Тогда как на этот дом претендовал какой-то чиновник из администрации города Рогачева. Бабушка мне рассказывала, что вот собрались евреи, партийные, безусловно, и исключили Матвея из партии. Соответственно выгнали с должности судьи. Правда, когда я спросил у нее: «Ну, а те потом кто его так сказать угробили, какова их судьба?». «Да, потом их всех потихоньку пересажали», – ответила бабушка.

Матвей Иванович не выдержал, умер от сердечного приступа. Я это расцениваю почти как самоубийство. Сама по себе смерть состоялась, таким образом, он со своим приятелем был на Днепре, они вылавливали мореный дуб для чего-то. Они его вытащили каким-то образом на берег. Он очень устал, пришел домой и говорит, Ольге Михайловне своей жене: «Вот уже сало идет». Сало – это льдинки, которые образуются на реке перед ледоставом. А приятелю говорит: «Ты побудь здесь, я сейчас принесу табак из соседней комнаты», они курили трубки. Пошел в соседнюю комнату, на пороге упал и умер. Вот, пожалуйста, судьба честного судьи.

Вы думаете, дело кончилось с Матвеем Ивановичем? Ничего подобного, похоронили Матвея Ивановича, приехали на похороны из Бобруйска. Бобруйск был центр округа. Областей никаких не было, были округа. На похороны Матвея Ивановича приехало руководство округа. В том числе бывшие чекисты. Похоронив его, они уехали.

В 1944 году мне бабушка рассказывала, что практически на следующий день после похорон ее мужа к ней пришли работники ОГПУ. Спрашивали, где золото и драгоценности, которые наградил ее муж, когда был чекистом. Бабушка отвечала, что никакого золота нет, и Матвей Иванович никого и никогда не грабил. Ее посадили в КПЗ и на допросах пытались все же выяснить, где же золото. Через неделю ее выпустили, за нее заступились бобруйские чекисты. Бабушка говорила так же, что ее зять – муж ее старшей дочери Люси Николай Решетников начальник Рогачевского ОГПУ ей говорил, что Матвей Иванович умер вовремя, т.к., если бы он не умер, его бы арестовали. После того как исключили из партии и сняли с должности судьи. Своим арестом он бы испортил Решетникову всю карьеру в ОГПУ. А так все хорошо, умер человек и его арестантское дело закрыто.

Ситуация с Матвеем Ивановичем я расцениваю как репрессию сталинского режима против старых большевиков. Т.е. против тех, кто сделал октябрьскую революцию и победил в Гражданской войне. Дзержинский так же умер летом 1926 года при достаточно подозрительных обстоятельствах. А мой дедушка, хорошо знавший Дзержинского и Ленина, конечно, подлежал Сталинскому уничтожению.

Глава 2 Стальгоров Михаил

Михаил Флорентьевич Стальгоров – этой мой отец. Он родился 8 ноября 1911 года в деревне Полуево Рославльского уезда, Смоленской губернии. Он зарегистрирован по фамилии Штальберг, т.к. это фамилия его отца. До 1918 года фамилия моего отца и моего дедушки был Штальберг. В 1918 году они поменяли ее на фамилию Стальгоров. Его отец в то время Флорентий Владимирович Штальберг работал управляющим имением княгини Телешевой.

В 1926 году он окончил 7 классов. И поступил учиться в какой-то рабфак, через год он поступил в Витебский Сельскохозяйственный Институт по специальности ветеринария. По каким-то причинам диплом об окончании института ему не выдали. И во всех анкетах он писал, что у него образование неоконченное высшее. Тем не менее, его направили работать ветеринарным врачом в совхоз «Хальг» Жлобинского района. 1 августа 1937 года он был арестован, и его обвиняли в контрреволюционной деятельности и вредительстве в составе группы «Ветврачей-вредителей». В 1940 году он умер в тюрьме города Орша. Почти всю его сознательную, непродолжительную жизнь лучше всего узнать из протокола допроса. Копию этого протокола привожу полностью. Мне ее прислали из архива КГБ Белоруссии в апреле 2017 г.

Протокол допроса обвиняемого Стальгорова Михаила Флорентьевича.

17 августа 1937 года

Вопрос: Следствию известно, что вы являетесь участником контрреволюционной организации и по ее заданиям проводили вредительство в практике своей работы ветврачом. Расскажите, где и кем вы были привлечены к этому?

Ответ: Я заявляю, что сознательным вредительством я никогда не занимался, но обстоятельства моей работы ветеринарным врачом складывались так, что они внешне, без знания истинного положения дел, могли показаться вредительством. Так, например, отход 40 голов скота за прошедшую часть 1937 года, безусловно, очень большой и не естественен. Наблюдающим за моими действиями могло показаться, что это зависит от моих вредительских действий. На самом деле это не так. Я признаю, что огромный отход скота зависел в известной степени от того, что я не принимал настойчивых мер до конца, чтобы прекратить продолжавшийся в течение нескольких месяцев большой падеж скота. Кроме того, моя недостаточная специальная подготовленность также отразилась на количестве отхода. Но это зависело не только от моих действий, но также и далеко не верных, возможно вредительских, действий старшего зоотехника совхоза [фамилия скрыта] и директора [фамилия скрыта]. В практике моей работы было несколько случаев чисто неудачной работы из-за недостаточной моей квалификации. Так, например, в начале 1933 года я работал ветеринаром в совхозе «Хальг» Жлобинского района. Там мне пришлось столкнуться с почти поголовной вшивостью лошадей. Не зная точно методов искоренения вшивости, я посмотрел учебник по кожным болезням Богданова и на основании рекомендуемого там способа составил препарат в пропорции 2,0 креолина, 50,0 керосина и 50,0 автала. Им я помазал лошадей, которые через несколько часов начали облазить. Как оказалось, через час после смазки его необходимо было смыть водой с мылом, чего я не знал и не сделал. В совхозе после этого мне стали не доверять, а я стыдился признаться в своей ошибке и всячески оправдывался, но, почувствовав, что мой авторитет как ветврача потерян, решил удрать из этого совхоза самовольно, что и сделал. Уехав из этого совхоза, я через некоторое время устроился на работу ветврачом в Осиповичском леспромхозе. В леспромхозе я работал 4—5 месяцев в 1933 году. На одном из совещаний по вопросу невыполнения плана и укрепления работы транспорта директор леспромхоза, отмечая недостатки работы со стороны ряда лиц, сказал также и о том, что я как ветврач не обеспечиваю достаточно должное здоровое состояние конского состава и только разъезжаю по различным точкам и гастролирую, а не лечу. Я в ответ подал несколько резких реплик, и директор, рассердившись, назвал меня мерзавцем. Я обиделся и в тот же день ушел с работы из леспромхоза совсем. Месяца через два, когда я уже работал в совхозе им. Свердлова Дзержинского района, администрация Осиповичского леспромхоза привлекла меня к судебной ответственности якобы за халатное отношение к работе и за самовольный уход из леспромхоза. Меня судил народный суд Осиповичского района и присудил по 196-й статье к 6 месяцам принудительных работ. В совхозе им. Свердлова я работал с августа по ноябрь 1933 года, после чего был призван в РККА. За время пребывания в совхозе им. Свердлова там имел место случай вспышки чумы свиней. Однако диагноз, что это именно чума, поставили не сразу. Туда вызывались специалисты и комиссия НКЗ, которые все давали разноречивые диагнозы. Неожиданно 15.12.1933 года меня призвали в РККА, и до моего отъезда в совхозе диагноз болезни свиней так и не был установлен. Позднее в 1934 году в совхоз «Ударник» приезжал инструктор Минмолпромтреста [фамилия скрыта], который тогда рассказывал, что в совхозе им. Свердлова арестовали и судили за вредительство директора совхоза Делю, зоотехника [фамилия скрыта] и ветфельшера [фамилия скрыта]. В чем конкретно заключалась их вредительская деятельность, я сейчас не помню, что-то с кормлением и содержанием помещений. В РККА я служил в 39-м полку г. Минск, некоторый период я проходил в 40-м полку красноармейцем, а в 39-м полку — уже ветврачом-стажером. В конце апреля 1934 г. меня демобилизовали из Красной Армии в долгосрочный отпуск по не известной для меня причине. Позднее, когда я узнал, что в совхозе им. Свердлова было раскрыто вредительство, я предполагал, что меня демобилизовали в связи с этим. Демобилизовавшись, я по путевке Минмолпромтреста в 1934 году 5 мая приехал в совхоз «Ударник» для работы ветврачом. В этом совхозе в 1937 году мы имели очень большой отход телят-молодняка. Отход проис-

ходил главным образом вследствие заболевания их септической пневмонией, т.е. заразным легочным заболеванием, вызванным возбудителем диплококком. Основная причина возникновения этой болезни заключалась в том, что в совхозе не была подготовлена зимовка, особенно помещение для телят. Я в период подготовке к зиме в совхозе отсутствовал, находясь в командировке от наркомсовхоза по борьбе со свиной чумой. В результате заболевания телят септической пневмонией в совхозе за период с 01.01.1937 г. по 01.08.1937 г. пало 40 голов 1937 года рождения. Это заболевание я пытался прекратить лечением с использованием метода, рекомендованного в одной из статей журнала «Советская ветеринария» №2, т.е. путем введения 35% раствора спирта в вену. Однако этот метод лечения положительного эффекта не дал, несмотря на то что я начал применять его начиная с апреля-мая 1937 года. Падеж телят все продолжался, и я лечение подобным образом бросил. Не признавая себя виновным в сознательном вредительстве, я, однако, считаю, что виноват в следующем:

1. единственную ошибку допустил я в лечении скота в совхозе «Хальг», когда смазал лошадей керосином;
2. самовольно бросил работу в леспромхозе г. Осиповичи;
3. в совхозе им. Свердлова не проводил достаточно полных мероприятий по борьбе с чумой свиней;
4. будучи в совхозе «Ударник», не добился проведения ряда мероприятий по подготовке помещения для телят и недостаточно твердо добивался устранения различных недостатков зоологического порядка.

Вопрос: За время вашего пребывания в совхозе «Ударник» был ли падеж другого скота помимо телят?

Ответ: Да, таких случаев также было несколько. Коров отходило примерно 3—4 головы, главным образом от механических повреждений. Был также и падеж лошадей. Особенно значителен был отход в 1934—1935 гг. В 1936 году пало [текст отсутствует] лошади и в 1937 году пало 2 лошади, причем несколько голов лошадей пало от инфекционной [текст отсутствует]. Оговариваюсь, что в 1936 году при мне пало 2 лошади.

Вопрос: Назовите все случаи сокрытия действительного отхода скота в официальных отчетах, допущенных вами и другими лицами.

Ответ: Категорически утверждаю, что мне абсолютно неизвестно ни одного случая сокрытия действительного количества отхода скота по совхозу. Сам я лично, этого никогда, ни в какой форме, не делал.

Вопрос: Вы даете ложные показания, так как следствию известны конкретные факты сокрытия вами действительного количества отхода скота в совхозе. Требуем правдивых показаний!

Ответ: Утверждаю, что я никогда ни в каких документах не пытался скрывать действительное количество падежа скота в совхозе. Мне также ничего не известно по сокрытию падежа кем-либо другим помимо меня.

Вопрос: Каков был отход молодняка в июле 1937 года?

Ответ: Точно я сейчас не помню. Кажется, падежа не было вовсе, а если и был, то 1—2 головы, не больше.

Вопрос: Чем вы объясняете столь резкое снижение падежа в июле по сравнению с предыдущими месяцами?

Ответ: Падеж происходил главным образом телят в возрасте до 1 месяца. В июле количество отелов не превышало десяти, отсюда резкое снижение падежа телят в июле.

Вопрос: Следствию известно, что вы с целью вредительства проводили «опыты» над здоровыми телятами, которые в результате пали. Поясните, как вы это делали.

Ответ: Опыты над здоровыми телятами я делал, но только не с целью вредительства. После того как примененный мною метод лечения путем введения спирта в вену не дал

эффекта, я с разрешения администрации совхоза, в частности директора [фамилия скрыта], с целью убедиться более наглядно в безвредности этого лечения сделал вливания спирта в вену двум совершенно здоровым телятам. Недели через две один из телят заболел воспалением легких примерно через месяц после опыта пал. Другой вполне жив и здоров и сейчас.

Вопрос: Следствию известно, что «опыты» были вами произведены не над двумя телятами, а над большим количеством, и все они пали после этого через несколько дней. Требуем правдивых показаний!

Ответ: Да, действительно, я вспомнил, что эксперимент с вливанием я проделал не над двумя, а над тремя телятами. Один из них через месяц пал, заболев воспалением легких, а два других живые сейчас.

Вопрос: следствию известно, что вы умышленно распространяли эпизоотические заболевания в совхозе. Каким методом вы это делали?

Ответ: Умышленно я эпизоотии никакой в совхозе не распространял.

Вопрос: Вы лжете, так, как следствию известно, что с целью распространения эпизоотии навоз из-под больных телят подстилался в коровник к стельным коровам. Требуем правдивых показаний!

Ответ: Действительно, такой случай был, но делалось это не мной, а дояркой, которая самовольно брала зараженную солому и стелила ее коровам.

Вопрос: Вы как ветврач имели все возможности не допустить этого. Почему же допустили?

Ответ: Я приказывал скотнику всю солому из телятника и изолятора сжигать, отвозя в определенное, отведенное для этого место. Остальному обслуживающему персоналу категорически запрещалось использовать вновь эту солому. В названном мной выше случае доярка взяла солому без моего ведома. Кроме того, она использованную солому взяла в телятнике, где она оказаться зараженной не могла.

Вопрос: Если в телятнике не могло оказаться зараженной соломы, тогда зачем вы запрещали ею пользоваться?

Ответ: Опасность заражения использованной соломы была и в телятнике, хотя в меньшей степени, чем в изоляторе, поэтому я с целью профилактики и запрещал пользоваться этой соломой вновь.

Вопрос: Следовательно, и в приведенном вами выше случае заноса использованной соломы в коровник имела опасность занесения туда инфекции?

Ответ: Безусловно.

Вопрос: Вы как ветврач совхоза не обеспечили недопущение подобного случая?

Ответ: Да, полностью я этого обеспечить не смог.

Вопрос: Сколько было случаев в совхозе болезни лошадей холкой и сколько от этого пало?

Ответ: За время моего пребывания в совхозе холкой болело пять лошадей, из них пала только одна от заражения крови.

Вопрос: Следствию известно, что вы направляли в столовую совхоза явно недоброкачественное мясо с целью возбудить недовольство рабочих. Требуем правдивых показаний по этому вопросу!

Ответ: Мясо мною направлялось исключительно в распоряжение кладовщика всегда доброкачественное, и направляемое уже непосредственно в столовую мясо осматривалось мной только в случаях требования заведующего столовой, в случае подозрения на порчу мяса в кладовой. За все время заведующий столовой вызывал меня для осмотра мяса всего 2 раза, и я оба раза мясо браковал.

Вопрос: Следовательно, вы забраковали мясо в этих случаях только после требования завстоловой, а до этого сами это мясо туда, несмотря на его явную недоброкачественность, направили?

Ответ: Это мясо мной в столовую недоброкачественным не направлялось. Оно могло испортиться исключительно в кладовой совхоза и оттуда уже негодным быть отправлено в столовую. Был также случай, когда один бычок уже сдыхал, я распорядился его прирезать, а сам куда-то срочно выехал из совхоза. По приезде мне завстоловой сказал, чтобы я осмотрел мясо, сданное в столовую. Осмотрев мясо, я его выбраковал. Оказалось, что санитар после прирезки бычка сдал это мясо без моего предварительного осмотра.

Вопрос: Если бычок уже сдыхал, то какую цель вы преследовали его прирезкой?

Ответ: Использовать его мясо в пищу.

Вопрос: Вам должно было быть уже тогда ясно, что его мясо в пищу будет непригодно. Это подтверждается тем, что вы всё-таки, по вашим словам, мясо после осмотра по требованию завстоловой выбраковали. Следовательно, вы и в данном случае пытались снабдить столовую недоброкачественным мясом?

Ответ: Мясо этого бычка было бы годным, но оно в течение двух дней хранилось в несоответствующих местах и испортилось. Я в течение этого времени отсутствовал и приехал, только когда это испорченное мясо было сдано в столовую для приготовления пищи.

Вопрос: Вам предъявляются показания завстоловой совхоза [фамилия скрыта], из которых усматривается, что именно вы непосредственно направляли в столовую явно недоброкачественное мясо. Требуем правдивых показаний!

Ответ: Приводимые случаи в показаниях [фамилия скрыта] о направлении мною в столовую недоброкачественного мяса в действительности места не имели.

Вопрос: Расскажите подробно о ваших взаимоотношениях с райветврачом [фамилия скрыта].

Ответ: С райветврачом [фамилия скрыта] я неоднократно встречался по служебному поводу, советуясь, и информируя друг друга о ветеринарном состоянии совхоза и района. Два раза я с ним встречался в дружественной семейной обстановке, выпивали. [Далее текст скрыт].

Вопрос: Следствию известно, что во время этих встреч вы договаривались об организованных вредительских действиях. Расскажите подробно, каким образом это происходило.

Ответ: Я при этих встречах ни от кого разговоров об организованных вредительских действиях не слышал и сам подобных разговоров не вел.

Вопрос: Когда и от кого вы получали деньги по почте?

Ответ: Никогда и ни от кого я денег по почте не получал.

Вопрос: Вы лжете, так, как следствию известно, что в конце июля сего года вы получили деньги по почте в конверте, напечатанном на машинке.

Ответ: Конверт, напечатанный на машинке, я действительно получал. Это было письмо из Москвы от брата, но денег в этом или в каком-либо другом конверте я никогда не получал.

Протокол мною прочитан лично и из моих слов записано правильно. [подпись Стальгорова М. Ф.]

Допросил [фамилия скрыта]

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда от 20—21 декабря 1938 года за «экономическую контрреволюцию» (вредительство), члены контрреволюционной организации «Ветврачи-вредители» были приговорены к различным срокам исправительно-трудовых лагерей. Руководитель контрреволюционной организации ветврачей района [фамилия скрыта] приговорен в 20 годах ИТЛ, ветврач совхоза «Ударник» Стальгоров Михаил Флорентьевич к 15 годам ИТЛ.

Прочитав протокол допроса Стальгоров М. Ф. вместе с моим внуком, юристом мы пришли к выводу, что никакой контрреволюционной деятельности Стальгоров М. Ф. не вел. Учитывая все его показания можно было инкриминировать ему – халатность.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 17 ноября 1939 года приговор Минского областного суда был отменен и дело направлено для доследования. У меня есть копия решения этого суда. Коллегия Верховного суда по уголовным делам состоялась по протесту прокурора Белоруссии. Протест мотивировался тем, что материалов следствия недостаточно для обвинения арестованных. Главным образом, потому что не проводилось ветеринарной экспертизы причины падежа скота. В копии приговора Верховного суда (дописано другим почерком), что мера пресечения остается арест.

Приговор Минского областного суда отменялся полностью для всей группы. Следовательно, ведущему это дело, необходимо было провести более глубокое расследование, в том числе организовать ветеринарную экспертизу с привлечением ученых. Это был достаточно большой объем работы, в это же время в Смоленской области проходил абсолютно аналогичный судебный процесс над «Ветврачами-вредителями». Он описан Мишагиным, бывшим в то время адвокатом. Мишагин пишет, что с этим делом «Врачей-вредителей» и решением Смоленского областного суда, он сам побывал на приеме у Генерального прокурора СССР Вышинского. Именно Вышинский спросил у Мишагина: «А была ли ветеринарная экспертиза?». На, что Мишагин ответил, что никакой экспертизы не было. Вышинский сказал Мишагину, что Генеральная прокуратура разберется, что если действительно экспертизы не было, будет опротестовывать приговор.

Мишагин пишет, что Генеральная прокуратура опротестовала приговор по делу «Ветврачей-вредителей» в Смоленской области и в конечном итоге все арестованные по этому делу были выпущены на свободу. Я полагаю, что опротестование прокуратуры Белоруссии решения Минского областного суда было так же связано с решениями Генеральной прокуратуры СССР. И результат дальнейшего расследования был одинаковый. Т.е. все арестованные и приговорённые к длительным срокам заключения ветврачи и зоотехники были оправданы за отсутствием состава преступления и были выпущены на свободу.

Подтверждением этого является и то, что я видел в декабре 1939 года в доме у родителей Михаила Стальгорова осужденного ранее с ним ветврача Старобинского района. Он ехал из Оршанской тюрьмы к себе домой и заехал к родителям Михаила Стальгорова. Это было ночью или вечером. Я встал с постели и слушал, что рассказывал этот бывший арестованный. Он сказал отцу и матери Михаила Стальгорова, да, пожалуй, и мне, что они все оправданы и отпущены на свободу. Но Мишу Стальгорова начальник тюрьмы отпустить не может, т. к. Миша избитый и лежит в тюремной больнице, без движения.

В начале января 1940 года родители моего отца получили письмо от медсестры тюремной больницы города Орша. В письме она написала, что ваш сын Миша умер. Я жил тогда у бабушки с дедушкой, видел это письмо, хотя читать написанное от руки я ещё не мог. Официальных же известий ни откуда не было. Моя мама так же видела и читала это письмо. Я до сих пор не понимаю, почему не был отпущен на свободу мой папа. Ведь начальник тюрьмы должен был сообщить о его болезни родителям или жене и, что они могут забрать его из тюрьмы т.к. он должен быть на свободе. Держать оправданного человека в тюрьме начальник тюрьмы не имеет право. Он должен был либо отдать его родителям. Либо перевести в обычную гражданскую больницу.

В 2002 году я подал заявление в Генеральную Прокуратуру Республики Беларусь с просьбой о реабилитации моего отца. Генеральная Прокуратура реабилитировала моего отца, и прислали мне соответствующее свидетельство о реабилитации «за отсутствием состава преступления».

Глава 3 Стальгорова Валентина

ВАЛЕНТИНА МАТВЕЕВНА ВИШНЕВСКАЯ. 1933 Г.

Стальгорова Валентина Матвеевна – это моя мама, она по терминологии 1937 года и по закону действующему в то время являлась членом семьи врага народа. В девичестве ее фамилия была Вишневская. Она родилась 23 января 1915 года в городе Рогачеве, по сути дела, по ее жизни можно написать историю СССР. Поскольку в 1917 году революция, ей всего лишь два годика, а дальше начинает рождаться и умирать СССР.

Моя мама умерла в июне 1998 года, т.е. она большую часть своей жизни прожила в СССР. При ее жизни СССР строился, СССР существовал, СССР развалился. Мама училась в школе, естественно уже в советской школе. Школа постоянно реформировалась. Ликвидировали гимназии, реальные училища, стала обыкновенная советская школа.

А как учились? А вот это интересно было бы вспомнить. Был какой-то Дальтон-план, по которому было бригадное обучение, т.е. ученики успевающие хорошо и плохо объединялись в бригады. Это была благая цель, ученики, которые не успевающие будут тянуться за успевающими и плюс к этому оценка выставлялась общая по бригаде. Т.е. ученики успевающие должны были следить и помогать, чтобы подтягивались плохо успевающих учеников.

Ответственность за успеваемость учеников была коллективная. Уроки готовились бригадно. От бригады отвечал по домашнему заданию в классе один человек, ну, два максимум. А в бригаде маминой было 5 человек. Мама училась хорошо, она чаще всего отвечала по заданным урокам. А как остальные, в том числе и балбесы учились – никак. Они как продолжали плохо усваивать получаемые знания, так и продолжали. Как в бригаде, так и без бригады.

Мама окончила семь классов. В 1926 году у нее умер отец Матвей Иванович Вишневский. Она поступила в учительский институт. Только название такое, на самом деле – это среднее учебное заведение, готовило учителей начальных школ. Она окончила этот Рогачевский институт. Папа у нее в свое время дружил с Дзержинским, в войсках ВЧК служил, потом работал судьей в городе Рогачеве.

Правда в 1926 году его исключили из членов партии и выгнали из судей. Тем не менее, мама своего папу обожала, и это был для нее образец на всю дальнейшую жизнь. Институт она окончила в 1932 году. Ее направили в город Осиповичи, она там работала учительницей начальных классов. Осиповичи тогда был маленький городок.

В Осиповичах мама вышла замуж за Стальгорова Михаила Флорентиевича. Он был старше ее на 4 года. В это время он работал в осиповическом леспромхозе ветеринарным врачом. В 1933 году родился я. В 1936 году, уже работали и папа, и мама в другом месте, в совхозе «Ударник» у них родился второй сын Игорь, 3 января 1936 года.

1 августа 1937 мой отец, был арестован. Ему вменялась контрреволюционная деятельность в составе «группы ветеринарных врачей вредителей».

Арестовали так же ветврача района, его фамилию я сейчас не помню, мама ее когда-то называла. После ареста моего папы мама тот час же уехала вместе с детьми из этого совхоза.

Меня мама отвезла к родителям своего мужа в город Осиповичи, а младшего сына, которому было полтора года, отвезла к своей маме в город Рогачев. С работы ее уволили немедленно, Слава Богу, не посадили. Я так понимаю по ее словам, что ее сумели как-то уберечь хорошие знакомые ее отца, которые работали, в том числе и в правоохранительных органах в Белоруссии. Особенно их много было в Бобруйске. Бобруйск был областным центром на то время.

Мама, пользуясь авторитетом своего отца, поехала к Крупской в Москву. Крупская жена Владимира Ильича Ленина. Н. К. Крупская курировала школы и школьное обучение Советского Союза. Мамин папа Матвей Иванович хорошо знал Крупскую и Ленина.

По-видимому, по ходатайству Крупской или по какой-то другой причине ее на работу взяли. Послали работать в село Галынка Осиповичского района. Зимой 1937 на 1938 год я прожил с мамой в селе Галынка.

Весной 1938 года мама отвезла меня в Осиповичи. В Осиповичи нужно было ехать по железной дороге, но на железнодорожную станцию Ясень от Галынки нужно было идти пешком километров 10. Мы и пошли с мамой. На пути в какой-то большой деревне остановились у колодца попить воды. Поскольку было прохладно, на маме был меховой воротник лиса. Чтобы набрать воды в колодце, и воротом поднять наверх для удобства мама сняла свой меховой воротник лису и положила ее на крышку колодца. Напившись прямо из ведра воды, мы пошли дальше, и вдруг мама вспомнила, что забыла лису на колодце.

Вернулись назад к колодцу. На крышке колодца лисы не было. Но там набирала воду какая-то молодая женщина, которая сказала, что лису взяла другая женщина, и показала, где она живет. Это было рядом и мы с мамой пошли домой к этой женщине. На вопрос мамы: «Вы взяли лису? Это была моя лиса, я ее забыла на крышке колодца». На, что эта женщина ответила, что никакой лисы она не видела и не знает о чем речь. В этой деревне было отделение милиции, мы пошли туда. Зашли в чей-то кабинет, там хозяин кабинета стоял на столе и снимал портрет бывшего своего наркома Ежова. Мама ещё пошутила (по-моему, некстати): «Что это ещё один враг народа?». На, что милиционер ответил: «Да, так нам сказали».

Мама рассказала о пропаже своего мехового воротника, в том числе о тех женщинах, с которыми она говорила. Милиционер, а это был не рядовой милиционер, какой-то милицкий чин, сказал: «Пойдем со мной». Мы подошли к дому женщины, которая подозревалась в том, что взяла мамину лису. Милиционер вызвал ее из дома на улицу и просто ска-

зал: «Ну, как отдай сейчас же лису». Он не спрашивал ее, брала ли она ее или не брала, а прямо скомандовал. Женщина зашла в дом и молча принесла лису. Мама сказала спасибо этому милиционеру, и мы пошли дальше на железнодорожный вокзал. Мама посадила меня на поезд и попросила проводника, чтобы он высадил меня в Осиповичах, где меня должны встретить бабушка или дедушка. Меня встретили и я жил в Осиповичах до весны 1940 года.

Мама продолжала работать в Галынке. Она естественно приезжала ко мне в Осиповичи, как-то во время болезни, она меня прямо спасла, купив яблоки. Зимой с 1938 на 1939 год я заболел крупозным двухсторонним воспалением легких. По-моему, в Осиповичах в то время не было врача, может быть даже ни одного. Но всех лечили фельдшеры, меня так же лечил фельдшер. И вот я болел достаточно долго, около двух недель, и в конце почти умирал. Перестал, есть и не мог ходить, здорово ослабел. И попросил у бабушки свежих яблок. Зимой в городе бабушка почему-то не смогла купить свежих яблок. И она вызвала из деревни мою маму. Мама тот час же пошла на железнодорожную станцию, зашла в какой-то московский поезд в вагон-ресторан и купила там несколько яблок. Она принесла их мне, я съел, не помню, одно или все яблоки. Заснул и немедленно пошел на поправку.

В январе 1940 года бабушка с дедушкой получили письмо из Орша от медсестры тюремной больницы. Она писала, что ваш сын Стальгоров Миша, умер в тюремной больнице. Я видел это письмо, читать я уже мог, но только печатными буквами, а письмо было написано от руки. Я его не читал, его вслух читали бабушка и дедушка, а потом приехала мама и она так же читала это письмо. После извещения о смерти мужа моя мама вышла замуж в начале лета 1940 года, в деревне Галынка, за работающего там кузнеца Верняковского Михаила Викторовича. У Верняковского двое детей: Валя 1930 года рождения и Володя 1935 года рождения, жена его умерла от туберкулеза в 1937 году. Она работала учительницей.

Собственно, мама приехала на ее место. Семья Верняковских жила в большом доме. Они занимали половину дома, вторую половину занимало правление колхоза.

После замужества мама перешла жить в квартиру Верняковского. В начале лета 1940 года туда приехал я, и мама привезла из Рогачева моего младшего брата Игоря. Я помню, что мы бегали уже босиком, а брат мой приехал городским таким мальчиком одетый и обутый в туфельки небольшие.

Жили мы уже теперь в доме нормальном, где была кухня, две комнаты. Одна большая, которая собственно была спальней, в ней я и Валя готовили уроки. Итак, у моей мамы оказалось четверо детей. К тому же, примерно в июле она забеременела пятым. Я думаю, что моей маме чрезвычайно тяжело было справляться с четырьмя детьми. И она начала ругаться с Верняковским.

Михаил Викторович Верняковский был достаточно покладистым и добродушным мужчиной.

Его уволили из армии он был старшим лейтенантом запаса и из армии был уволен как будто то бы за пьянку. Сколько я с ним прожил, я ни разу не видел, чтобы он хотя бы рюмку выпил. Он всегда был совершенно трезвым. Он работал кузнецом в соседней деревне, в километрах трех от Галынки. Это была вторая бригада того же колхоза, что и Галынка. Я помню, носил ему еду, прямо в кузницу. Вообще-то он с мамой не ругался. Это она постоянно ругала его, а он отмалчивался.

Весной 1941 года маму и Верняковского арестовали. За что? 15 марта у них исчез преподаватель в школе, который пришел на смену моей мамы, поскольку мама пошла в декретный отпуск. И этот преподаватель исчез. Никаких вестей от него не было. По селу пополз слух, что мама моя, вместе с Верняковским убили его. Инициатором убийства называли мою

маму. Потому что она рыжая ведьма и бывшая жена врага народа. А Верняковский он мужчина хороший, но он подкаблучник, во всем слушает свою новую жену.

Появилась милиция, арестовали и увезли в Осиповичи, и маму, и Верняковского. Мы остались одни, Верняковский попросил меня сходить в соседнюю деревню, где жили его родственники, чтобы кто-то пришел из взрослых и побыл вместе с нами. Я помню, как после ареста подозреваемых начали искать труп учителя в реке Березине. Искали около суток, естественно не нашли, потому что там его не было. И вдруг появился этот искомый учитель. Он пропал не более недели, сказал, что уехал к своим родителям в другую область Белоруссии. Поскольку положенного по закону отпуска после окончания педагогического училища ему не дали. И он самовольно уехал не сказал об этом директору школы.

– Почему не сказал?

– Не было в тот момент директора, а я взял и уехал. К тому же наступили школьные каникулы.

Естественно маму и Верняковского выпустили, немедленно. Но неделю они с ним отсидели, опять, же, ни за что.

В апреле 1941 года мама родила дочь, ее назвали Маргаритой. Верняковский весь апрель месяц пробыл на сборах командного состава Красной Армии в городе Бресте. В начале мая мы уехали всей семьей в город Рогачев к моей бабушке Ольге Михайловне.

В Рогачеве заболела Маргарита, и 19 июня 1941 года умерла. Верняковский сделал маленький гробик и мы похоронили малютку на городском кладбище, рядом с похороненными маминым папой и мамиными дедушкой и бабушкой – Устиновичами.

22 июня началась война. 1 июля мама пошла в Рогаческий горком партии. Она была кандидатом в члены ВКП (б). Пришла домой и рассказывает, что ее принял первый секретарь горкома товарищ Суворов. Она ему сказала: «По слухам, немцы подходят к Рогачеву и вот-вот займут его. Может быть, нужно срочно эвакуироваться вглубь страны». Суворов на нее разорался: «Вы паникуете и как паникершу, и к тому же члена семьи врага народа, если будете продолжать в таком же духе, то мы вас расстреляем». Мама на припечке разложила небольшой костерчик и сожгла свою кандидатскую карточку в члены ВКП (б). При этом она говорила: «С таким дураком как Суворов я в одной партии состоять не буду».

В ночь с 1 на 2 июля этот Суворов, вместе с другими руководителями района уехали за Днепр, взорвавши за собой мост. В 1944 году я с бабушкой приехал в освобожденный Рогачев. Жители Рогачева говорили, что товарищ Суворов всю войну пробыл в партизанском отряде. Но вот недавно его арестовали за то, что он в начале июля 1941 года преждевременно покинул город, взорвавши за собой мост через Днепр.

Весь день и всю ночь 2 июля наша артиллерия из-за Днепра буквально уничтожала город. Горели дома жителей и другие здания города, была разрушена церковь. Мама хотела все же уйти из города пока его не заняли немцы, как-то перебраться через Днепр и эвакуироваться вглубь страны. Нас обещал вывести из города бывший полковник царской армии (не помню его фамилию), поздним вечером 2 июля. До глубокой ночи: мама, Верняковский, я, мой брат, сын Верняковского – Володя, тетя Женя, и сопровождающий нас полковник, пролежали в огороде до поздней ночи и никак не решились перейти хотя бы улицу, такая была стрельба. Горели дома рядом с нашим домом. Каким-то маленьким осколком я был ранен в ступню, и мы тот час же вернулись в дом. Полковник ушел к себе домой.

Верняковский забрался на крышу дома и поливал ее водой. Мы всей семьей носили ему воду из Днепра. Это делалось, чтобы не загорелся наш дом. Т.к. с соседнего горящего дома летели искры, и просто пылало жаром. От которого могла загореться деревянная крыша нашего дома. Бабушка же взяла в руки икону Николая Угодника (так она говорила), трижды обошла вокруг дома, несмотря на обстрел. Потом она хвалилась, что это она своей молитвой не дала загореться дому.

3 июля в город Рогачев зашли немцы. Обстрел города прекратился. Через неделю немцы начали выгонять жителей за реку Друть. Мотивируя приближающимися боями, за город Рогачев и, что в этом случае мирное городское население не должно страдать. Т.к. переправа через Друть была одна, немцы организовывали каждый день колонны для переправы населения через реку.

Вначале нашу семью немцы выгнали из блиндажей, где мы укрывались от обстрела и перегнали в подвал детского садика. В этом подвале был предварительный сборный пункт жителей, стояла охрана. Подвал был заполнен нечистотами, люди находили места, не залитые чуть повыше, и располагались на них. Там мы пробыли сутки без еды. Один раз с разрешения охраны тетя Женя сходила и принесла немного продуктов из разграбленного магазина. В этот же день всех людей находящихся в этом подвале перегнали в подвал учительского института. Трех или четырех этажное здание горело, в подвал было согнано около 500 человек. Половина из них были еврейские семьи.

Мы там просидели ещё сутки. После чего пришел какой-то высокопоставленный офицер в сопровождении начальника конвоя, который охранял нас. Этот офицер разговаривал по-русски без акцента. Я не помню, спрашивал ли он кого-либо из сидящих в подвале жителей или нет. Но, когда он выходил из подвала, подымаясь вверх по ступенькам, кто-то его спросил: «Нас не кормили. Сколько времени ещё мы здесь будем сидеть? И будут ли нас кормить?». На, что этот офицер, повернувшись, ответил: «Пусть вас кормит Сталин». И ушел, однако, минут через тридцать в подвал вошел начальник конвоя и сказал, что от каждой семьи в город за продуктами может уйти один человек. Но, если кто-либо из них через три часа не придет семья будет расстреляна. От нашей семьи за продуктами ушел Верняковский. Не более, чем через полтора часа он принес половину мешка армейских сухарей, пропитанных сахаром. Воды у нас не было. Так как водопровод в городе не работал.

К концу этого же дня заработал водопровод, было ещё светло. В самом подвале не было водопроводной сети, а вот во дворе института была водоразборная колонка. Двор института представлял собой внутренний дворик п-образного здания. Первыми водопроводом воспользовалась охрана. Возле колонки все же поставили часового. Выход во дворик из подвала оказался только один, хотя их было три. Но два выхода были закрыты. Возле этого выхода столпились люди находящиеся в подвале. В том числе туда прибежали и мы с мамой. Немцы выпускали по одному человеку с какой-либо посудой, чтобы он мог набрать воды из колонки. Часовой возле колонки наливал воду сам. Немцы объявили, что в первую очередь могут пойти за водой старики и дети, кто-то мне в руку дал двухлитровый стеклянный графин. Часовой у двери меня пропустил, я пошел за водой.

Все мы думали, что я принесу, полны графин воды, и мы все напьемся. Ничего подобного! Немец налил мне приблизительно третью часть графина, закрыл мне кран колонки и сказал: «Weg». Я ещё не ушел от колонки, когда к колонке подошел старик еврей, лет 70 с окладистой бородой с какой-то посудинкой, которую он подставил под кран колонки. Стоящий там немец посмотрел на него и сказал: «Jude». И ударил его ногой обутой в тяжелый немецкий сапог в живот. Старик упал, кто-то выбежал из дверей подвала и утащил его туда. Я вернулся в подвал и отдал графин с водой маме. По дороге я отхлебнул из горлышка графина немножко.

Мы вернулись на свое место в подвале. Верняковский говорил маме, что отсюда можно удрать, т.к. ничего хорошего в данном случае от немцем не ожидает. Мама ему сказала, что уйти с детьми она не рискует, все же охрана и потом идти по оккупированному городу так же опасно. На это Верняковский сказал маме, что один он способен уйти. Мама сказала: «Оставляй нас и можешь идти». Верняковский оставил с нами своего сына Вову и ночью ушел.

Наутро нас выгнали из подвала, построили в колонну на улице перед институтом и вывели перед колонной Верняковского и ещё нескольких мужчин, которые ночью убежали

из подвала. Появился офицер, хорошо говоривший по-русски, который ранее в подвале говорил: «Пусть вас кормит Сталин». Он объявил: «Мы выводим людей ради их безопасности за город, за реку Друть, в наш тыл. А представленные вам негодяи не оценили наше хорошее к вам отношение. Они, нарушив установленный нами, порядок, пытались убежать. Они подлежат расстрелу. Но я проявляю милосердие и не расстреляю их. Но, чтобы преподать им урок, я их выпорю». Он ходил со стеком. Вот этим своим стеком он и бил по лицу каждого из стоящих перед строем мужчин. После чего объявил им, что они могут благодарить Бога и встать в колонну, где стоят их семьи. Далее он сказал: «Если ещё кто-либо попытается убежать из колонны, которая пойдет сейчас к Друти, он будет обязательно пойман и расстрелян. Будет расстреляна так же вся его семья». После чего он удалился.

К Друти нас повел достаточно небольшой конвой. Впереди шел офицер в руках держал свою каску. Она была полна вишни. На ходу он бросал вишни в рот и выплевывал косточки. Рядом шла переводчица со своей 14-летней дочерью. Наша семья так же шла в передней части колонны. Было нас в колонне человек 500.

Перед рекой Друть колонна остановилась, т.к. через переправу (понтонный мост) проходили в город немецкие войска. Мы разместились на одной стороны улицы, которая упиралась прямо в Друть. Жара была ужасная, это было 8 или 9 июля 1941 года. Простояв минут тридцать конвой начал по очереди купаться в реке Друть или обливать сами себя водой перед колонной. Офицеру принесли походную брезентовую ванну, похожую на кровать-раскладушку. Немецкие солдаты налили в нее речной воды, офицер разделся, и какое-то время плескался там. Затем он вылез и оделся. Солдаты же ходили раздетые: в трусах, сапогах и в каске, с автоматом на пузе.

Люди же в колонне изнывали от жары без воды. Хочется отметить, что немецкие солдаты, раздеваясь и купаясь перед 500 горожан мужчин и женщин совершенно их не стеснялись. На мой взгляд, они вообще не считали нас за людей. Вдруг к начальнику конвоя подошел молодой мужчина и спросил можно ли ему сходить за коровой. Если ли колонна будет здесь стоять достаточно долго, то он успеет. Начальник конвоя сказал, что он не знает, сколько нам всем придется простоять здесь перед переправой. Т.к. по переправе проходят в город немецкие войска. Потом он спросил этого молодого человека:

– Может тебе хватит 15 минут?

Тот подумал и ответил:

– Пожалуй, хватит.

Немец говорит:

– Я тебя отпущу, а ты не придешь.

Молодой человек отвечает:

– Честное слово приду вовремя.

– Что мне твое честное слово? А, кто-либо может поручиться за тебя, что ты вернешься?

Весь этот разговор слушала моя мама, переводчица, ее дочь и я. Мы стояли буквально рядом с начальником конвоя. Тогда переводчица и моя мама говорят: «Мы знаем этого молодого человека». Мама говорит: «Я с ним училась вместе в педагогическом училище. И он честный человек, если сказал, что вернется, значит вернется». Переводчица сказала: «Я так же знаю этого человека, мы с ним вместе в одной школе работаем учителями. Он учитель физкультуры. И так же ручаюсь, что он вернется». Немец говорит: «Ну, раз вы ручаетесь, то он может идти». Снимает с руки часы и говорит этому молодому человеку: «Все иди, время пошло, не более, чем через 15 минут ты должен быть здесь с коровой или без коровы».

Через 10 минут немец спрашивает переводчицу: «Вы здесь одна?». Она отвечает: «Нет, со мной 14 летняя дочь». Спрашивает мою маму: «А вы?». Мама отвечает: «Со мной двое детей, вот мальчик 8-летний, показывает на меня и ещё 5-летний, показывает на сидящего

возле забора моего брата Игоря». Тогда немец говорит солдату по-немецки: «Переводчицу с дочерью, а так же эту женщину с ее детьми выдели из колонны и поставь к противоположному забору». Солдат собрал нас в кучку, и мы стояли, ожидая неизвестно чего. После этого начальник конвоя уже по-русски говорит, обращаясь к нам:

– Если ваш учитель не явится, как и обещал, через 15 минут я вас расстреляю.

А минут уже осталось меньше пяти. Тогда мама говорит:

– За, что же нас расстреливать?.

– Ну, вы же поручились, что он вернется.

– Но он может опоздать на две-три минуты.

– А он обещал не опаздывать.

– Но ведь его могут там задержать, патруль допустим или ещё какая-либо задержка.

– Конечно, могут, но он должен был это иметь в виду и не проситься идти за коровой.

Да, ещё в течение 15 минут вернутся назад.

– Но он же не знал, что, если он опоздает, то нас расстреляют.

– Да, не знал. Но, если он опоздает, и вы будете расстреляны, я его так же расстреляю.

– Ну, почему же сразу расстрел?

– А, чем вы кроме своих жизней могли поручиться? У вас драгоценности есть?

– Нет у нас ничего.

– Тогда выходит, что кроме вашей жизни у вас ничего нет.

– Да.

– Вот и отвечайте своими жизнями.

Подозвал двух солдат, те начали готовить автоматы в толпе горожан начали возмущаться. Возмущались не поведением немца, горожанам оказалось понятна логика немецкого офицера. Почему-то стали ругать мою маму и переводчицу: «Вот дуры, зачем вам это было надо? Конечно, он не вернется». Подходит 15 минута, немцы уже берут автоматы наизготовку и вдруг в хвосте колонны закричал кто-то: «Остановитесь. Он бежит с коровой». Действительно запыхавшийся учитель, черт бы его побрал, бегом, держа на поводу корову, подбежал к начальнику конвоя и быстро сказал: «По-моему я не опоздал». Тот посмотрел на часы и сказал: «Да». Солдаты отошли от нас, офицер велел нам встать в колонну. Учитель с коровой так же встал с колонной. Там его начали ругать: «Да, ведь если бы ты прибежал позже хотя бы на одну минуту. То эти женщины с детьми были бы уже убиты. И конечно немцы бы расстреляли и тебя. Ты соображаешь, к чему могло это привести? Тебя мог остановить любой немецкий солдат, убить даже и их бы расстреляли за твое легкомыслие. Хотя они сами легкомысленные дуры». На, что учитель отвечал: «Если бы я знал, что их могут расстрелять из-за меня я бы ни за что не пошел бы за своей коровой. Но я пришел вовремя, я сдержал свое слово».

Уже взрослым я размышлял над этим эпизодом. И я подумал, что этому учителю нужно было, во что бы то ни стало хоть на несколько минут куда-то зайти. И он, поэтому пошел на такой риск. Я даже подумал, что где-нибудь у него в погребе могли прятаться какие-то люди, и погреб был закрыт. И, если бы он его не открыл, они бы умерли там. Это конечно ни на чем не основанное предположение, но никто из 500 горожан, в том числе и я, так и не могли понять, зачем ему нужна была корова. А вот как повод для минутного посещения своего дома это было нормально. Минут через 20 конвой скомандовал: «Вперед, через переправу». На ту сторону Друти конвой с нами не пошел. И мы оказались за Друтью, полностью свободными. Куда хотим, туда и можно идти.

Перед переправой немцы говорили: «Идите в Бобруйск – это наш глубокий тыл». В Бобруйск, мы конечно не пошли. Мы просто не знали куда идти.

Проходя нам, встретились купающиеся в речушке несколько немецких солдат. Они заговорили с мамой, спрашивали, куда мы идем. Мама отвечала, что нас просто выгнали

из города, а, куда идти дальше мы не знаем. Пойдем в какую-либо деревню. Но мы и находились в какой-то деревне. Верняковский со своим сыном к купающимся немцам не подходил. Они стояли недалеко от какого-то дома под деревом. Один немец вышел из воды, вытащил из кармана плавок бумажник, а из бумажника фотографию, на которой была изображена молодая женщина с двумя детишками, примерно моего с братом возраста. И сказал: «Это моя жена, они остались дома в Германии, а я вот воюю здесь», немцы засмеялись.

Почему-то потом один из них пошел показать нам небольшой полевой аэродром. А может быть, это просто была площадь деревенская, на этой площади стояло несколько самолетов наших и немецких. Был наш маленький истребитель, а так же какой-то большой самолет и наш биплан то ли По-2, то ли У-2. Немец подошел к этому биплану, а потом к истребителю и сказал: «Русфанер». Потом подвел нас к немецкому истребителю, конечно, тот выглядел намного современнее наших самолетов: изящная, красивая машина. И сказал: «Это оружие, как вы думаете, чье лучше? Наше или советское? Глядя на эти самолеты». Конечно, ответ мог быть однозначным, но мама промолчала.

Мы пошли дальше. На окраине села объединились с Верняковским и его сыном. Проходя по улицам села, мама обращалась к жителям, чтобы остановиться у них или попросить еды и даже воды. Во всем нам было отказано. Пошли в следующее село. Ситуация та же. Наконец, мы нашли двухэтажное здание школы десятилетки, которое стояло от всех ближайших деревень как минимум 1—3 километра. По-видимому, она была возведена так специально. Какая-то междеревенская школа. Вполне объяснимо. В школе никого не было. Мы зашли в здание школы. Мама сказала: «Остановимся пока тут». Рядом было поле с колосющейся рожью. В школе никто не жил, но кухня была.

Дело шло к вечеру, и мама хотела растопить печь-плиту. Открыла конфорки и увидела в самой печи какой-то пакет. Она его достала, а в нем оказались сладкие сухофрукты, в том числе и изюм, примерно с килограмм. Была какая-то посуда, типа чугунок. Мы набрали колосков, выбрали из них зерно. Мама сварила кашу, так называемую кутью, и мы поели вместе с сухофруктами. Воду набирали в протекающем вблизи ручье. Легли спать на полу. Утром следующего дня к нам зашли трое красноармейцев – это были танкисты, шедшие из-под Бреста, по оккупированной немцами Белоруссии. Они рассказывали, что перед самым началом войны с их танков сняли моторы на капитальный ремонт, а новых не поставили. Они оказались безоружными. Они говорили, что они воронежские и идут к себе домой вслед за линией фронта. Мама сказала: «Но ведь Воронеж немцами ещё не занят». На, что один из танкистов ответил: «А мы не спешим, пока мы дойдем до Воронежа. Немцы его займут». Мама же ругала Верняковского за то, что он остался в оккупированном городе, а не ушел в Красную Армию как боевой командир. Она так же отругала и этих трех танкистов. При этом был Верняковский, она обругала их всех трусами.

В этот же день появилась тетя Женя со своей подругой, так же 16-летней девушкой. Она была с нами в той колонне, когда нас немцы гнали за Друдь. Но она сбежала домой, конвой ведь был достаточно слабенький. И сбежать, конечно, можно было, но на следующий день немцы снова поймали тетю Женю. И с очередной колонной других жителей выгнали ее с подругой за Друдь. Тетя Женя сообразила, что мы далеко не ушли и с подругой вместе пошли искать нас, по-видимому, они спрашивали все же у жителей, не видали они такую группу, какой мы шли: Верняковский, мама и трое детей. Наша группа была достаточно приметная, и местные жители наверняка видели нас. Да, мы и обращались к ним.

Мы прожили в школе несколько дней. Ходили в ближайшие деревни, пытались купить или просто выпросить что-либо съедобное. Никто нам ничего не дал и не продал. Я не знаю почему, но местные крестьяне были злы на нас. 15 июля я, тетя Женя и ее подруга опять пошли в деревню что-нибудь раздобыть. По дороге из придорожного кювета нас окликнули красноармейцы, их было двое. Мы остановились, они спросили нас, есть ли здесь немцы.

Мы сказали, что немцев здесь не видели. Они рассказали, что они разведчики, им приказано разведать обстановку по пути на Бобруйск. Их полк занял Рогачев 13 июля, немцев там нет, но им приказано наступать на Бобруйск. Вот они и разведывают, что у них впереди. Тетя Женя спросила: «А как вы пробирались, через фронт?». На, что один из них ответил: «Сплошного фронта нет, и мы прошли совершенно свободно». Тогда тетя Женя сказала: «А, если мы пойдем немедленно в Рогачев, как лучше всего идти, чтобы не попасть в лапы к немцам?». Они дали маршрут, достаточно подробно рассказав как миновать немцев. Мы не пошли в деревню, а тот час же вернулись в школу. Рассказали обо всем моей маме.

Мама тот час же сказала: «Все, пусть они все тут подохнут, а я пойду с детьми в Рогачев». На, что Верняковский сказал, что он не пойдет. Они после смерти общей дочери достаточно часто ругались. Мама его все время отсылала в военкомат и на фронт. А, он все время говорил: «Нет, там можно погибнуть». Хотя потом он погиб во время войны, будучи командиром разведки одного из партизанских отрядов под Свистлочью. И в 1944 году при переговорах партизан с немцами и полицейскими, полицейские его повесили. Т.е. он погиб все равно, во время войны невозможно занимать нейтральную позицию.

Он забрал своего сына Вовку и пошли они в противоположную сторону от нашего маршрута в Рогачев. Мы пошли в Рогачев за день прошли 40 километров. Немцы нам не попадались, только один раз мы увидели в километрах трех от нас примерно эскадрон немецких кавалеристов. Их командир остановился, посмотрел в бинокль в нашу сторону. И поскакал вслед за своими. Поздним вечером мы пришли в деревню Новое Село.

Там не было ни наших, ни немцев. Первый раз за время оккупации местные крестьяне нас покормили. В этой деревне было много рогачевцев. Однако же они в Рогачев не шли. Мама нашла там несколько своих знакомых, один из них был преподаватель педучилища, в котором она когда-то училась. Он сказал, что пройти в Рогачев невозможно, нужно было идти прямо к Днепру, три с половиной километра. Между шоссе и городом был лес, с левой стороны от шоссе так же был лес. Шоссе проходило как бы по большой просеке. Правда, лес не доходил до Днепра с полкилометра. По просеке и шоссе пройти было невозможно, т.к. все это трех километровое пространство от села до Днепра простреливалось чье-то артиллерией. То ли немецкой, то ли нашей, я не знаю. Я увидел только то, что снаряды рвались там беспрерывно.

Утром мы вышли из деревни, дошли до начала просеки. Там была группа рогачевцев, среди них тот же мамин знакомый. Они говорили, что все кто сегодня пошел по этой дороге к Днепру, были убиты. И несколько трупов даже виднелись с началом просеки. Мы просидели там с мамой минут тридцать. Артиллерийский огонь не прекращался. Тогда мама обратилась к тети Жени, к ее подруге, ко мне и к брату: «А может все же пойдем? Мне надоело здесь быть. Мы здесь никому не нужны, ни крестьянам местным, ни немцам. И, если мы по дороге погибнем, ну, что ж. Значит так и будет». Потом переспросила: «Ну, что пойдем?». И мы пошли. Ни один человек из Рогачева к нам не присоединился.

Описать этот трехкилометровый наш поход к Днепру невозможно. Как только мы зашли на просеку рядом разорвался снаряд. Взрывом нас разбросало в разные стороны, но никто из нас даже ранен не был. Мы были слегка оглушены, но не более. Пошли дальше и такое с нами происходило не менее десяти раз. После второго взрыва мы уже ничего не слышали, оцептели и шли как скот на бойню. Где-то на пол дороге нас обогнал велосипедист. Буквально впереди нас метров за сто, очередным взрывом снаряда его разнесло в клочья. Велосипед упал, когда мы подошли только одно колесо вращалось. Мы прошли мима, и все так же при взрывах дошло до берега Днепра. Спустились вниз на береговую кромку. Здесь снаряды нас уже не доставали, хотя по Днепру немцы стреляли шрапнелью, но нас никого не задело.

Мы прошли под обрывом и вернулись домой. Потом эвакуировались. Командир транспортной роты, которая стояла в нашем саду, посадил нас в автомобиль и сказал: «Уезжайте, Рогачев, конечно, мы сдадим». При этом он передал моей маме письмо своему брату инвалиду, живущему в Воронеже. Его брат лишился ног во время финской войны. И этот командир транспортной роты, старший лейтенант, говорил моей маме: «Мой брат остался без ног, я очень боюсь такого же ранения». Благодаря этому старшему лейтенанту мы все же эвакуировались. Это было примерно 20 или 21 июля. 23 июля 1941 немцы снова заняли город Рогачев. Теперь уже надолго.

А старший лейтенант все же остался без ног. В последних числах июля моя бабушка Оля, оставшаяся в оккупированном городе Рогачеве, получила письмо от командира транспортной роты, который несколько дней прожил в ее доме. В письме он писал, что, как и его брат, он остался без обеих ног и просил бабушку забрать его к себе, т.к. немцы обычно тяжелораненых добивают. Он находится в лагере военнопленных в Бобруйске в бараке для тяжелораненых и, что жители Бобруйска разбирают раненых и пленных к себе домой, называя пленных своими ближайшими родственниками. Хотя на самом деле они были чужие. Бабушка взяла сало и самогона для взяток охранникам и направилась в Бобруйск. Сало и самогон у нее забрали, конечно, но два дня «водили за нос» не разрешая встретиться с «зятем», а потом один из полицейских сказал: «Бабуля езжай домой, ещё до твоего приезда в Бобруйск всех тяжелораненых, в том числе и твоего зятя, застрелили, а потом вместе с баракком все трупы сожгли». Бабушка уехала домой в Рогачев.

А мы поехали вглубь Советского Союза. Вначале военная машина довезла нас до Гомеля. В Гомеле на следующий день нас посадили в эшелон вместе с другими эвакуированными. Довезли до какой-то крупной узловой станции уже в России. Всех переписали и сформировали эшелон, уходящий ещё дальше, в Сталинградскую область. До Сталинградской области мы ехали 10 дней. То ехали часов 12 без остановки, то останавливались у каждого столба. Все время опасались бомбежки. На крупных станциях нас кормили. Мы выходили на перрон, как правило, на перроне были уже установлены столы, стулья или табуреты или просто доски клались на два стула. Усаживались и обедали, было первое: суп или борщ, второе и стакан чая или компота.

Высадили нас в сталинградской области станция Фелоново. В эвакуацию мы ехали как на пикник. Никаких зимних вещей не брали, да, и вообще вещей у нас практически не было. Не было совершенно никакой посуды. Было только одно или два одеяла, подушка и две простыни. Я и брат мы были одеты в шорты. Моя мама и мы считали, что до зимы наши войска освободят Белоруссию, и мы вернемся в Рогачев. Увы! Нам пришлось жить в эвакуации три года. Со станции Фелоново нас повезли в Киквиденский район в село Журавка, бывший немецкий колхоз. Русские там тоже жили, но их было мало.

В конце августа маму направили на работу учительницей в школу в одну из деревень Новоаненского района, колхоз «Красный боец». И мы туда поехали.

4х-классная школа на одного учителя. Там должен был быть только один учитель. Поселились мы в школе. В деревне отдельного жилья для учителя не было. В школе мы поселились в так называемой учительской комнате.

Там жили с 1941 на зиму 1942 года, частично лето 1942 года. Тетя Женя эвакуировалась вместе с нами. И мама, и тетя Женя работала так же в колхозе.

Зима 41 на 42 год была чрезвычайно суровая, морозы были ниже -40С. Весь урожай был собран осенью, а подсолнух остался. В декабре часть школьников, в том числе я, под руководством моей мамы поехали в поле собирать семечки. Ехали на санях, уже было много снега, и мороз стоял около -30 С. Я был одет очень плохо, но на санях я лежал и был укрыт тулупом. У каждого школьника и у моей мамы на плечах висела сумка, в которую выбивали из шляпок подсолнуха семечки. Я тот час же замерз. Все мне стало безразлично, я хотел даже

лечь в снег и уснуть. При морозе -30С я конечно бы замерз насмерть. Мама стала заставлять меня бегать, я не хотел. Тогда она стала меня бить, чтобы я бегал. Это был единственный раз в моей жизни, когда меня била мама. Но я стал убежать от нее и бегать. Это меня спасло от замерзания. Я как-то согрелся даже. Не надевая больше ничего, я стал со всеми вместе выбивать семечки из шляпок подсолнечника. Ездили мы на уборку подсолнечника всего один раз.

Был эпизод. Мама, тетя Женя и мой младший брат отравились угарным газом, угорели. Я не могу сказать, почему они умудрились угореть. Это было днем, меня дома не было. Я пришел и увидел, что они в этой учительской комнатухе на полу лежат без сознания. Я побежал к соседям Любченко. Прибежала женщина и ее муж вытащили всех троих во двор, на свежий воздух. И стали думать, как привести их в сознание, прибежало ещё несколько женщин. Я помню, что пострадавшим терли виски. Раздавались самые дикие советы, как привести в сознание отравленных. На свежем воздухе вскоре они пришли в сознание.

В июне 1942 года мою маму уволили с работы. И на ее место прислали Курневич Ксению Константиновну. Она и ее дочь так же была эвакуированными из Рогачева. Мама знала Ксению Константиновну и ее мужа до войны. Муж Ксении Константиновны преподавал в педучилище, которое окончила моя мама. Буквально в первые дни воны он был призван в Красную Армию и очень быстро погиб. На мой взгляд, зря его призвали, зрение у него было минус десять или хуже. Без очков он совершенно ничего не видел, а в сутолоке войны потерять или разбить очки очень вероятно. Без очков, моя мама говорила, он был совершенно беспомощным, поэтому очень быстро погиб.

Ксения Константиновна была вдова погибшего, и ещё у нее была 12-летняя дочь. Поэтому у нее было преимущество перед моей мамой, т.к. мама была жена врага народа и маму уволили.

Председатель колхоза берет ее на работу счетоводом. С оплатой половина трудодня в день. Поселили нас в бывшем монастыре, дали нам келью, в которой печка была плохая, давала мало тепла. Моя мама переложила самостоятельно печку. Как я сейчас помню на 7 дымоходов, чтобы, когда топим даже соломой, чтобы выходящие дымовые газы дольше находились в печи и больше ее нагревали. Я спрашивал, называл ее на вы: «Откуда вы знаете или умеете это делать?». Она говорила: «Нам в школе, когда-то в начальной объясняли, что вот такая-то печка и так-то надо выкладывать». И мама выложила новую печь и самое в этом удивительное, что печка то работала нормально, ни дымила, и тепла стало гораздо больше.

В соседней с нами келье жили двое старых евреев муж и жена лет по 70, а может быть больше. Мы жили впроголодь, а старые беспомощные соседи голодали. Как-то зимой старик постучал в перегородку между кельями и сказал, что он умирает, а Сара умерла несколько часов тому назад, и ее лицо объели крысы. Мама сходила к ним, предложила старику перейти в келью к нам, он отказался. К утру он умер.

В деревне ещё было две семьи евреев. Одна из них так же умерла в эту зиму. Их было трое: муж и жена обоим лет по 45, и ребенок лет 6—10. У мужчины была болезнь Паркинсона, поэтому его не призывали в армию. Они жили в деревенском клубе и умерли там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.